

В.Н. Карманов

«НЕОЛИТИЗАЦИЯ» КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ¹

Неолитизация традиционно понимается как процесс распространения производящих форм хозяйства или, для лесной зоны Восточной Европы, навыков изготовления керамической посуды (гончарства). Последний показатель хоть и признается формальным, но ему все же придается огромное значение, поскольку «изобретение посуды было вызвано переходом к оседлости и особенно изменением всей экономики и образа жизни населения» [Ошибкина 1996: 6]. Это «событие эпохального значения, существенно изменившее жизнедеятельность древних обществ. Помимо укрепления технико-экономического потенциала (получение первого искусственного материала, хранение припасов) оно стимулировало и формировало творческие наклонности человека...» [Шумкин 2003: 278].

 ¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (№ МК-9604.2006.6) и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

В настоящей статье мы обратимся к проблеме «неолитизации» крайнего северо-востока Европы (далее КСВЕ) — периферии лесной зоны Восточной Европы, региона, ограниченного с севера побережьем Баренцева моря, с востока — Уральским хребтом, с юга — Северными Увалами и с запада — р. Сев. Двина. В современном административном отношении это территории Республики Коми, восточная часть Архангельской области, включая Ненецкий АО (рис. 1). Большая протяженность в широтном и долготном направлениях, неоднородность территории по геологическому строению и рельефу определяют значительное разнообразие природных условий. Крайняя северная и северо-восточная часть лежит в зоне тундры, остальная относится к таежной зоне. По рельефу КСВЕ делится на две части: восточная окраина относится к горному Уралу, а западная — к Русской равнине. По данным палеогеографов, на протяжении всего голоцена большая часть территории входила в зону темнохвойной тайги, а широколиственные леса были характерны только для пойм [Смирнова 1970; Жуйкова 2000; Андреичева, Марченко-Вагапова

2003: 18]. Климатические изменения не сказались здесь так благоприятно, как в южной части лесной зоны Восточной Европы, где происходило значительное улучшение природно-климатической обстановки, характеризующееся как «климатический оптимум голоцена».

История изучения неолита этого обширного региона насчитывает 50 лет. Благодаря работам Г.М. Булова, В.Е. Лузгина, Э.С. Логиновой, Л.Л. Косинской, И.В. Верещагиной, В.С. Стоколоса, В.Н. Карманова открыты и исследованы десятки памятников этого периода. В центре вни-

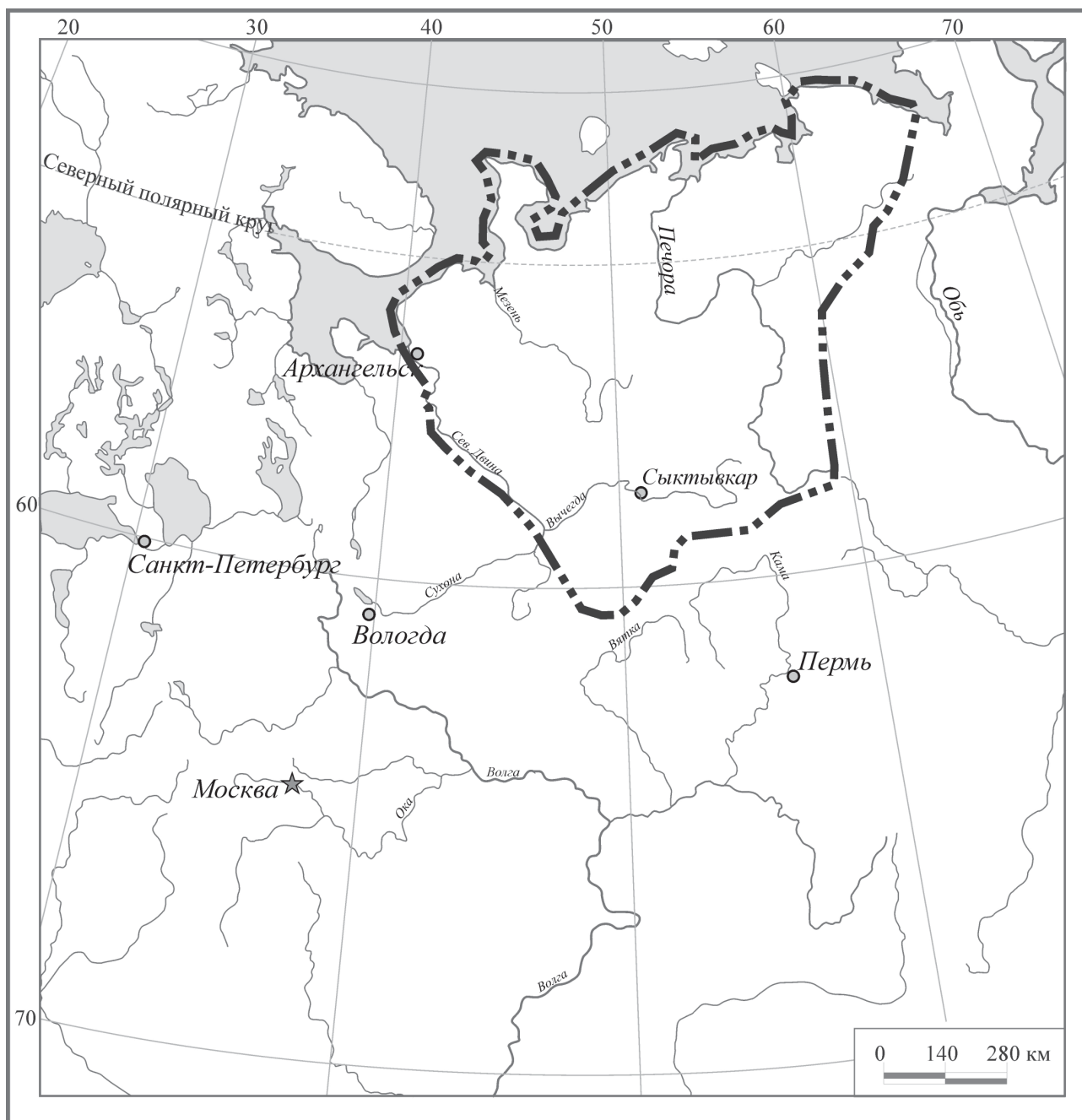

Рис. 1. Крайний европейский Северо-Восток на карте Восточной Европы (выделен пунктиром)

мания исследователей преимущественно стояла проблема определения культурно-хронологической принадлежности памятников, а также установление культурогенеза и механизма формирования культур и культурных типов. Культурно-хронологические схемы для неолита региона предлагались в разные годы Г.М. Бутовым [1967; 1974; 1986], И.В. Верещагиной [1989] и Л.Л. Косинской [1997]. На основе изучения прежде всего керамики были выделены шесть групп памятников, различающихся в культурном отношении, и обозначены два основных направления освоения и/или культурных связей региона: юго-западное (территория распространения неолитических культур Волго-Окского междуречья, среднего и верхнего Поволжья) и юго-восточное (бассейн Камы). На уровне предположений высказывались мнения о культурных связях с Фенноскандией [Бутов 1986] и Западной Сибирью [Косинская 2000].

Несмотря на разногласия исследователей в вопросе об источнике происхождения, развитии и дальнейшей судьбе групп неолитического населения, в основе предложенных концепций лежат два подхода. Г.М. Бутов и И.В. Верещагина придерживались так называемой концепции сегментации, предложенной для неолита А.Я. Брюсовым [Брюсов 1952]. Согласно этой точке зрения, от коллектива отделяется группа населения, которая мигрирует на соседнюю территорию, где она может занять неосвоенное пространство или вступить в контакт с другим населением. Так, по мнению Г.М. Бутова, появление памятников с ямочно-гребенчатой керамикой КСВЕ связано с крупным продвижением племен из Волго-Окского междуречья. На востоке волго-окские племена встретились с камскими, и граница их расселения наметилась в Казанском Поволжье, Вятском и Вычегодском бассейнах. В последних двух пограничных районах сформировалась своеобразная вычегодско-вятская культура [Бутов 1967: 167].

В 1997 г. Л.Л. Косинская подвергла критике этот подход и предложила концепцию «единого культурного пространства (культурного мира), пронизанного разнообразными и разно направленными связями, посредством которых осуществляется передача культурных инноваций» [Косинская 1997: 185]. Источники происхождения различных групп неолитического населения

КСВЕ она пыталась найти в самом регионе. Культурные трансформации объясняются, на ее взгляд, взаимодействием с коллективами более южных районов, связь с которыми налажена еще с эпохи мезолита. Так, например, происхождение носителей черноторской археологической культуры, по ее мнению, связано с местным мезолитическим населением при влиянии ранне-неолитического верхней Волги. Для ее «формирования совсем не обязательным было появление переселенцев из Верхнего Поволжья — вполне достаточную роль могли сыграть другие виды связей между родственными населением обоих районов». Существует эта культура в течение всей эпохи, и ее носители участвуют в сложении культур финального неолита-энеолита [Косинская 1997: 185–187]. Исключением, по мнению Л.Л. Косинской, является генезис памятников эньейского типа (Эньты I, Ревью I), который «скорее всего связан с миграцией на ЕСВ носителей иеневских и постиеневских традиций» [Косинская 1997: 186].

Таким образом, согласно двум рассмотренным выше концепциям, «неолитизация» КСВЕ связана либо с миграциями, либо с культурными связями населения региона и сопредельных с ним территорий. Однако, несмотря на различия в этих концепциях, для них характерна убежденность в том, что начиная с мезолита регион был постоянно заселен человеком. Поэтому в исследованиях поднималась такая проблема, как причины чересполосного обитания разнотипных групп населения на одной территории [Бутов 1993; Косинская 1997: 185].

Помимо исследователей КСВЕ проблема неолитизации региона интересовала и В.И. Тимофеева и С.В. Ошибкину. В.И. Тимофеев, основываясь на данных радиоуглеродного анализа, разработал модель неолитизации лесной зоны Восточной Европы, в которой КСВЕ отведена роль конечной территории в распространении навыков гончарства с юго-запада на северо-восток [Тимофеев 2000]. С.В. Ошибкина считает, что «неолитизация» региона связана с проникновением небольших групп населения [Ошибкина, 2003].

Обратимся к анализу источниковой базы по неолиту региона. В настоящее время известно 80 памятников неолита на территории КСВЕ. Наибольшее число пунктов выявлено в бассейне

Северной Двины — 46, в т.ч. Вычегды — 35. В бассейне *Печоры* открыты 23 местонахождения, *Мезени* — девять, *Индиги* (Малоземельская тундра) — два. Неизвестны или единичны памятники по крупным вычегодским притокам, таким как рр. Нем, Сев. Кельтма, Локчим, Сысола, Вымь, Вишера. Незначительное количество стоянок выявлено непосредственно в долине Северной Двины и ее правобережных притоков (рис. 2, 3). Часть этих речных долин изучена в археологическом отношении достаточно хорошо, а на некоторых разведочные работы проведены лишь на небольших участках или не проводились вовсе. Хорошо изучены немногочисленные озера (не считая старичных). Выразительные неолитические поселения выявлены на самых крупных из них: Синдорское, Ямоозеро, Косминские, Пинежские, Красный окунь. Таким образом, распределение неолитических памятников на КСВЕ и итоги их изучения могут свидетельствовать как об особенностях расселения неолитического населения, так и о перспективе открытия новых памятников в слабо изученных районах и элементах рельефа.

Результаты полевых работ во многом определяют представления о геоморфологической приуроченности памятников и, следовательно, о предпочтениях в выборе места обитания неолитическим населением. Однако до проведения полномасштабных комплексных исследований эти выводы носят предварительный характер. Согласно *современной* геоморфологической приуроченности известные пункты каменного века делятся на: 1) памятники, расположенные на эрозионных песчаных останцах флювиогляциального происхождения в долинах рек; выделяются стоянки, приуроченные непосредственно к прирусловым участкам и прикраевым участкам останцов, примыкающих к старичному озеру или протоке, сегменту поймы или болотному массиву; 2) памятники на эрозионных песчаных останцах флювиогляциального происхождения у протоки, вытекающей из озера или расположенного вблизи него; 3) пойменные памятники; 4) памятники, приуроченные к озерно-болотным отложениям. Такая типология местонахождений по геоморфологической приуроченности соответствует классификации памятников по типам культуровмещающих слоев, которые представлены различными генетическими типами отложений. Это определя-

ет в конечном итоге сохранность культурных остатков и особенности отложения находок.

Теперь о наличии/отсутствии инокультурных и разновременных примесей в коллекциях неолитических памятников. К коллекциям, где представлены культурные остатки только эпохи неолита или примесь материалов других периодов крайне незначительна, относятся Угдым I, Кыньтыяг I, Важкаяя II, Пезмог IV, Пезмогты I, 3, 5, Эньты I, III, VI, Половники II, Кочмас, Ревью I, Ниремка III, Ниремка I, п. 6, Мармугино, Прилукская, Кыстырью, Конещелье, Каджером, Новины, Тимощелье VI, Дутово I, Черноборская III. Территория некоторых из этих памятников посещалась в неолите неоднократно. Разновременные комплексы на них либо «разнесены» планиграфически (Эньты I, III, Кочмас, Прилукская), либо их членение основано на технико-типологическом анализе инвентаря (Кыстырью, Тимощелье VI). На основании анализа пространственного распределения находок на ряде «смешанных» памятников есть возможность выделить полноценные комплексы неолита. Это Вад I, Пезмогты 4, Черная Вадья, Клоново 2. Типологическое выделение неолитической керамики на памятниках многократного посещения возможно на стоянках Себьяг I, Усть-Кулом I, Юванаяг, Озельская, Чудгудорьяг, Эньты IV, Усть-Комыс I, Вис I, II, III, Клоново 2, Пинежские озера III, IV, VI, Явронья I, Пижда I, II, Ружникова, Кыско и Алексахина, Зубово. Значительная часть коллекций представлена сборами подъемного материала. Это, Юромка, Симва II, Синдорское озеро II, Ероздино II, Арабач I, Вонгода I, Картаель II, Нонбург 10, Печорская, Поповка, Индига I, а также пункты в Большеземельской тундре. Таким образом, по этому показателю следует обратить внимание на следующие памятники: Вад I, Угдым I, Кыньтыяг I, Важкаяя II, Пезмог IV, Пезмогты 1, 3, 4, 5, Эньты I, III, VI, Половники II, Кочмас, Ревью I, Черная Вадья, Ниремка III, Ниремка I, п. 6, Мармугино, Прилукская, Клоново 2, Кыстырью, Конещелье, Каджером, Новины, Тимощелье VI, Дутово I, Черноборская III.

Количественная оценка коллекций (табл. 1) и степени изученности памятника проведены по следующим параметрам: вскрытая площадь, площадь пятна находок/жилища, общее количество кремневых изделий (без чешуек),

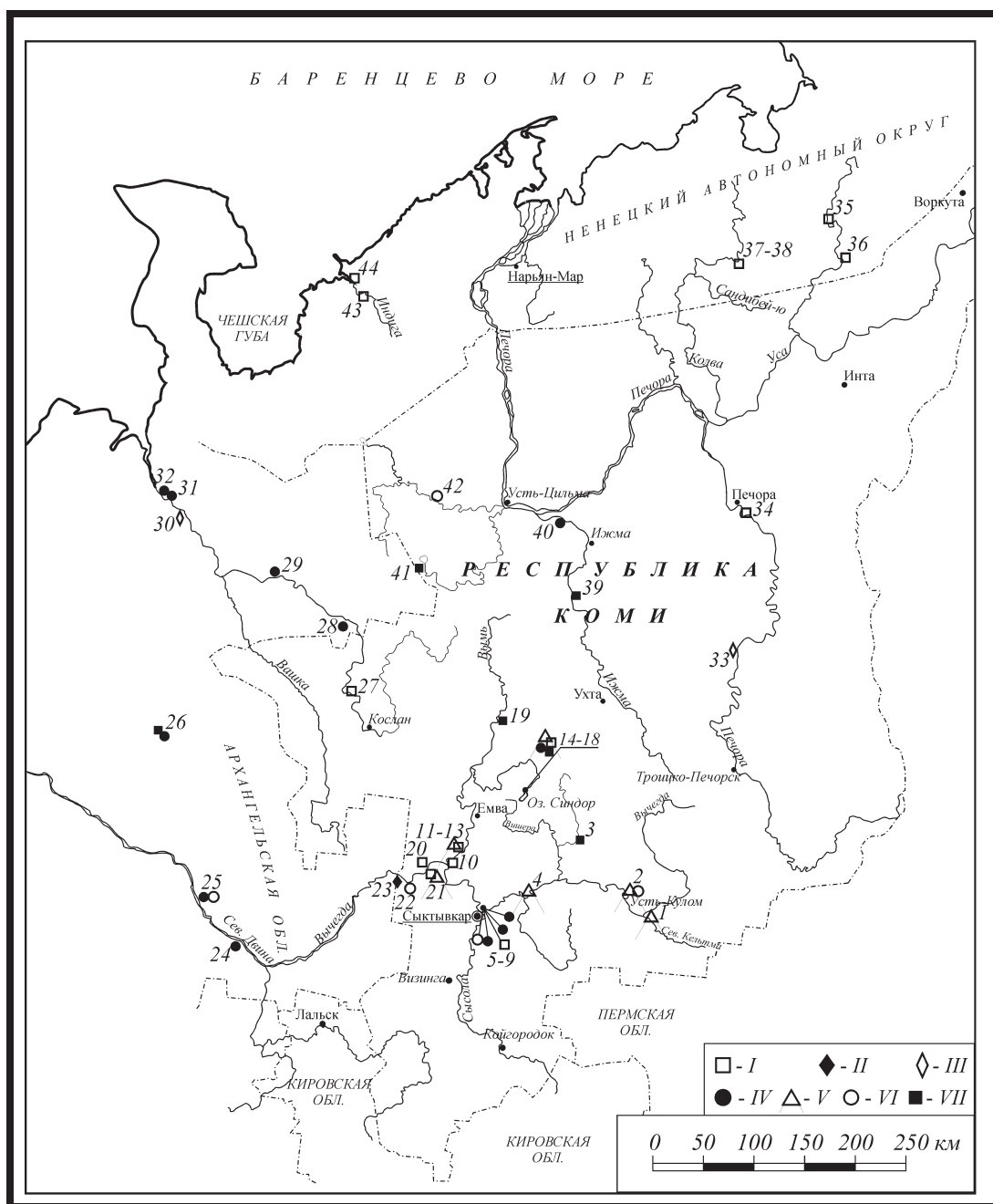

Рис. 2. Карта памятников раннего неолита: Бассейн р. Вычегды: 1 — Себъяг; 2 — Усть-Кулом I; 3 — Юванаяг; 4 — Пезмог IV; 5 — Чудгудоръяг; 6 — Озельская; 7 — Эньты V; 8 — Эньты IV; 9 — Эньты I; 10 — Ерозино II; 11 — Ниремка III; 12 — Ниремка I, п. 6; 13 — Ляльский бор, уч. 1; 14 — Вис I; 15 — Вис II; 16 — Вис III; 17 — Симва II; 18 — Синдорское озеро II; 19 — Усть-Комыс I; 20 — Арабач I; 21 — Кочмас А, Б; 22 — Ревью I; 23 — Черная Вадья; р. Северная Двина: 24 — Вонгода I; 25 — Прилуцкая; 26 — Явронья I; бассейн р. Мезени: 27 — Кыстырю; 28 — Зубово; 29 — Конечалье; 30 — Новины; 31 — Усть-Пеца I; 32 — Тимошчелье VI; бассейн р. Печоры: 33 — Дутово I; 34 — Сирпачшор; 35 — Адзъва 29; 36 — Адзъва 41; 37 — Колва 10; 38 — Черноборская III; 39 — Картаель, уч. 3; 40 — Нонбург 10; 41 — Пижма II; р. Индига: 42 — Поповка; 43 — Индига I

Рис. 3. Карта памятников с гребенчато-ямочной керамикой. Бассейн р. Вычегды: 1 — Усть-Кулом I; 2 — Юваная; 3 — Вад I; 4 — Кыньтыяг I; 5 — Угдым I; 6 — Важкаяг II; 7 — Пезмогты I; 8 — Пезмогты 3; 9 — Пезмогты 4; 10 — Пезмогты 5; 11 — Озельская; 12 — Эньты I; 13 — Эньты III; 14 — Эньты IV; 15 — Эньты VI; 16 — Ваднюр VI; 17 — Юромка; 18 — Половники II; 19 — Вис I; 20 — Вис II; 21 — Вис III; р. Северная Двина: 22 — Мармугино; 23 — Клоново 1, 24 — Клоново 2; 25 — Пинежское озеро III; 26 — Пинежское озеро IV; 27 — Пинежское озеро VI; 28 — Явроньга I; бассейн р. Мезени: 29 — Усогорск II; 30 — Усогорск IV; 31 — Кыстырью; 32 — Каджером; бассейн р. Печоры: 33 — Адзьва 63; 34 — Колва 10; 35 — Колва 12; 36 — Колва 13; 37 — Сандибей-ю VII; 38 — Сандибей-ю VIII; 39 — Мой-Ярей; 40 — Лая II; 41 — Лая I; 42 — Пижма I; 43 — Пижма II; 44 — Ружникова; 45 — Кыско; 46 — Алексахина; 47 — Печорская I

Таблица 1
Количественные характеристики неолитических комплексов крайнего северо-востока Европы

№ п/п	Памятник	Изученная площадь, кв. м	Площадь жилища/пятна находок, кв. м	Кремневые изделия (кроме чешуек)	Орудия из кремня	Орудия из некремневых пород	Керамические сосуды	Фауна
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Себьяг I	200	?	?	?	?	?	?
2	Усть-Кулом I	454	?	?	10?	?	2-3	?
3	Юванаяг	488	1-?	?	?	?	5	?
			2-?	?	?	?	5	?
4	Вад I	30	7/16	180	30	1	8	+
5	Кыньяг I	14	?	37	3	0	1-2	+
6	Угдым I	2	?	48	4	0	1	-
7	Важкаг II	8	?	9	3	0	5	-
8	Пезмог IV	34,5	?	3	0	0	2	-
9	Пезмогты I	228	1 - /60	1327	159	4	10	+
			2 - /33	1344	218	2	7	+
10	Пезмогты 3	153	52	3984	292	0	5	+
11	Пезмогты 4	209	40	3293	152	3 (?)	3	+
12	Пезмогты 5	4	?	15	5	0	0	0
13	Озельская	572	??	?	?	?	5	?
14	Чудудорьяг	1144	??/45	?	10?	?	4	+
			1 - ?	141	14	0	4?	?
15	Эньты I	1476	2 - 256/800	4712	1139	0	40	+
			3 - 100/250	1800	273	0	20	+
			4 - ?/4	?	?	0	3?	?
			Вне жилища	119	24	0	2	?
			Жил. 1 - 72	543	76?	0	15	+
			Жил. 2 - 70	259	41?	0	13	-
16	Эньты III	1892	Жил. 3 - 60	929	97?	4	6	+
			Жил. 4 - 71	897	140?	5	5	+
			Жил. 5 - 30	306	62?	0	5	+
			Вне жил.	546	133	8	4	+
17	Эньты IV	600	1 - /80	?	?	?	0	?
			2 - /320	393?	53?	?	21	?
18	Эньты V	4	?	?	?	?	1	0

(-) — отсутствие;

(П/м) — подъемный материал;

(*) — количество, имеющееся в настоящее время в коллекции;

(?) — нет данных для коллекций со смешанных памятников или коллекций, представленных подъемными материалами.

Для поселений Вис I, II; в скобках указаны вскрытая площадь Висского I и II торфяников; Вис I, II, III: арабскими цифрами указаны: 1 — тычково-накольчатая керамика; 2 — камская гребенчатая керамика; 3 — гребенчато-ямочная керамика; 4 — керамика с «шагающей»

Продолжение табл. 1

№ п/п	Памятник	Изученная площадь, кв. м	Площадь жилищ/пятина находит, кв. м	Кремневые изделия (кроме чешуек)	Орудия из кремня	Орудия из некремневых пород	Керамические сосуды	Фауна	
19	Эньты VI	400	Жил. 1 – 21	118	7	0	0	0	
			Жил. 2 – 26	325	16	0	1	+	
			Вне жил.	5	1	0	0	0	
20	Ваднор VI	П/м	?	?	?	?	3	0	
21	Юромка	П/м	?	?	?	?	1-2	0	
22	Ерозино II	П/м	?	5	1?	0	0	0	
23	Ниремка III	15	10/-	17	1	2	0	+	
24	Ниремка I	56	18/-	103	14	1	1-2	0	
25	Ляльский бор	104	?	215	5	0	3	0	
26	Половники II	84	-/68	4257	165	0	3	0	
27	Вис I	240 (362)	1 – ?	?	?	?	?	14	?
			2 – ?	?	?	?	?	16	?
			3 – ?	?	?	?	?	101	?
			4 – 55/?	?	?	?	?	99	?
			1 – ?	?	?	?	?	16	?
28	Вис II	384 (60)	2 – ?	?	?	?	?	2	?
			3 – ?	?	?	?	?	54	?
			4 – 50/?	?	?	?	?	135	?
			1 – ?	?	?	?	?	1	?
			2 – ?	?	?	?	?	3	?
29	Вис III	40	3 – ?	?	?	?	?	27	?
			4 – ?	?	?	?	?	3	?
			?	?	?	?	?	3	?
			?	?	?	?	?	1	0
30	Сивва II	П/м	?	?	?	?	?	0	
			?	?	?	?	?	0	
31	Синдорское Озеро II	П/м	?	?	?	?	1	0	
32	Усть-Комыс I	238	?	?	?	?	7	0	
33	Арабач I	П/м	?	32	7	0	0	+	
34	Кочмас	88	А – 28/-	409	49	2	0	+	
			Б – /40	429	35	38	5	+	
35	Ревью I	376	140/-	1806	252	1	0	+	
36	Черная Вадья	138,5	57/-	1635	285	1	2-3	+	
37	Мармутино (торфяник)	Зачистка – 300	-/0,25	0	0	0	1	0	
38	Вонгода I	24	?	412	33	0	1	0	
			1 – ?						
			2 – ?/25	1077 (132*)	546	5	6	+	
39	Прилуцкая	274	3, 4? – ?						
40	Клоново 1	17	?	359?	24?	3	1	0	
41	Клоново 2	25	?	660?	24?	0	1-2?	0	
42	Пинежское озеро III	12	?	?	?	0	1	0	
43	Пинежское озеро IV	4	?	?	?	0	11?	0	

Окончание табл. 1

44	Пинежское озеро VI	6	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
45	Явроньга I	98	1 - ?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
			2 - ?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
			3 - ?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
			4 - ?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
46	Усогорск II	П/м	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
47	Усогорск IV	П/м	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
48	Кыстырью	48	-/34	655 (366)	21	?	?	?	?	?	?	?	?	
49	Зубово	100	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
50	Конещелье	120	76/-	294	61	?	?	?	?	?	?	?	?	
51	Каджером	16	-/16	149	7	?	?	?	?	?	?	?	?	
52	Новины	45	?	77	26	?	?	?	?	?	?	?	?	
53	Усть-Пеца I	14	?	1697	5	?	?	?	?	?	?	?	?	
54	Тимощелье VI	84	1 - ?	644	37	?	?	?	?	?	?	?	?	
			2 - ?											
55	Дутово I	36	?/30	200	133	?	?	?	?	?	?	?	?	
56	Сирлач-Шор	80	-/32	110	98?	?	?	?	?	?	?	?	?	
57	Адзьва 29	П/м	?	4	4	?	?	?	?	?	?	?	?	
58	Адзьва 41	П/м	?	79	13	?	?	?	?	?	?	?	?	
59	Адзьва 63	П/м	?	127	12	?	?	?	?	?	?	?	?	
60	Адзьва 65	П/м	?	18	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
61	Колва 10	П/м	?	13	4	?	?	?	?	?	?	?	?	
62	Колва 12	П/м	?	285	9	?	?	?	?	?	?	?	?	
63	Колва 13	П/м	?	-	-	?	?	?	?	?	?	?	?	
64	Сандибей-ю VI, п. 1	П/м	?	19	8	?	?	?	?	?	?	?	?	
65	Сандибей-ю VII	П/м	?	82	9	?	?	?	?	?	?	?	?	
66	Сандибей-ю VIII (Шренк-Ярей)	П/м	?	41	16	?	?	?	?	?	?	?	?	
67	Мой-Ярей	П/м	?	62	40	?	?	?	?	?	?	?	?	
68	Лая II (Миш-Ваньская)	П/м	?	223	25?	?	?	?	?	?	?	?	?	
69	Лая I	П/м	?	99	9	?	?	?	?	?	?	?	?	
70	Черноборская III	196	?/76	884 (505*)	174 (210*)	?	?	?	?	?	?	?	?	
71	Каргаель II, уч. 3	П/м	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
72	Нонбург 10	П/м	?	20	4	?	?	?	?	?	?	?	?	
73	Пижма I	12	-/?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
74	Пижма II	76	-/?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
75	Ружникова	104	-/?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
76	Алексахина	32	-/?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
77	Кыско	6	-/?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	
78	Печорская	П/м	?	135	86	?	?	?	?	?	?	?	?	
79	Половка	6	-/600	37	37	?	?	?	?	?	?	?	?	
80	Индига I	П/м	-/1000	56	56	?	?	?	?	?	?	?	?	

орудий из кремня, орудий из некремневых пород, количество сосудов и их фрагментов, наличие остеологического материала. Раскопки произведены на 53 памятниках неолита КСВЕ. Общая вскрытая площадь на них составляет 11 533 кв. м. Разведочными шурфами (менее 20 кв. м) исследовано 15 стоянок, раскопами менее 100 кв. м — 16. Наибольшая площадь раскопана на стоянках Эньты I, III — 1476 и 1892 кв. м соответственно. Четкие границы распространения неолитических комплексов устанавливаются лишь в 34 случаях. На площадь их распространения приходится немногим более 3000 кв. м, из них на жилища — 1147 кв. м. Значительная часть коллекций — 24 — происходит из сборов подъемного материала.

Всего в коллекциях неолитических памятников представлено около 39 000 кремневых изделий, в том числе около 5,2 тыс. орудий. Так, 46 коллекций содержат до 100 орудий, и лишь 16 — более 100. Наиболее выразительными для изучения каменного инвентаря являются коллекции Пезмогты 1, 3, Эньты I, III (жил. 3 и 4), Половники II, Ревью I, Прилукская, Дутово I, Черноборская III, число орудий в которых составляет от 133 до 1139. Всего на памятниках неолита найдены фрагменты более 1000 сосудов. Наиболее представительны коллекции Вис I, II и Явроньга I, где найдены фрагменты более чем 100 сосудов, в 64 комплексах их число колеблется от одного до десяти, а на 17 памятниках керамика не обнаружена. На 19 стоянках найдены 86 изделий из некремневых пород. Однако их количество в среднем колеблется от одного до трех на комплекс. Фаунистический материал обнаружен на 28 памятниках.

Намеренной сортировке подверглись коллекции Черноборская III, Эньты I, III, IV, Кыстырью, Пижма I, II, Ружникова, Кыско, Алексахина, а также Вис I, II, III. В коллекциях памятников водораздельных озер присутствует только керамика и явные орудия. Из коллекций эньтыйских стоянок и Черноборской III изъята часть отщепов и осколков. Большая часть коллекций неолитических памятников хранится в музее археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар) — 47, Национальном музее Республики Коми — 12, в музее археологии и этнографии СыктГУ — три коллекции. Сборы Г.А. Чернова в Большеземельской тундре хра-

нятся в Государственном историческом музее, НИИ и музее антропологии МГУ им. Н.Д. Анучина. В настоящее время неизвестно место хранения коллекций из раскопок И.В. Верещагиной (большей части материалов Прилукской, Вонгоды I, Клоново 1, 2) и И.В. Гавриловой (Новины, Тимощелье VI).

Исходя из приведенных данных статистически представительными можно считать стоянки Дутово I, Черноборская III, Эньты I (ранний комплекс и жилище), Ревью I, Пезмогты 1, 3, 4, Эньты III (жилища 1–5), Половники II, Эньты IV, Вис I, II, III.

В настоящее время проведено радиоуглеродное датирование четырех памятников КСВЕ: Прилукской на Северной Двине (6680±70 л.н., 6350±60 л.н.; ЛЕ-4813, 4814), Пезмогты 1 (5840±100 л.н.; ГИН-11914), Пезмогты 4 и Пезмог IV (6820±70 л.н.; ГИН-11915, 6730±50, ГИН-12322; 6760±50, ГИН-12324) на средней Вычегде. Спорово-пыльцевым и диатомовым анализами (Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар) изучены отложения местонахождения Пезмог IV. Благодаря сотрудничеству с П.А. Косинцевым (ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург) определен видовой состав фауны, найденной на неолитических памятниках.

Источниковедческий анализ позволяет со всей определенностью выделить памятники, материалы которых в той или иной степени отвечают достоверности и надежности, пригодны для характеристики материальной культуры неолитического населения, а также разработки культурологических проблем неолита европейского Северо-Востока. Таковыми являются Дутово I, Черная Вадья, Конещелье, Черноборская III, Эньты I, Ревью I, Кочмас Б, Пезмог IV, Пезмогты 1, 3, 4, Эньты III, Эньты VI, Половники II. Остальные коллекции воспринимаются как «фоновые» и используются для картографирования того или иного типа памятника, посуды или каменных орудий. Необходимо отметить полное отсутствие эталонных неолитических комплексов на КСВЕ, что связано как с особенностями их расположения, так и спецификой их полевого исследования, хранения коллекций и документации.

В результате технологического анализа кремневых индустрий и типологии кремневых орудий, а также типологии керамики выделены пять типов памятников, различающихся в культурном

отношении и существующих в различные отрезки времени. Это черноторская группа с тычково-накольчатой керамикой (Черноторская III, Конещелье), энзтьйская группа с гребенчато-накольчатой посудой (Энзтьы I), памятники камской неолитической культуры гребенчатой керамики (Пезмог IV, Кочмас B), две группы памятников с гребенчато-ямочной керамикой (Вад I, Пезмогты 1, 3, 4, Энзтьы I, III, Половники II). Кроме того, выделяются стоянки Дутово I и Черная Вадья,

анализ инвентаря которых не позволил включить их ни в одну из групп.

В настоящее время можно говорить, по крайней мере, о двух периодах заселения региона в неолите. В ранний период, в первой половине V тыс. до н. э., здесь появляются стоянки типа Дутово I и Черной Вадьи, черноторской группы, камской неолитической культуры и энзтьйского типа (рис. 4). При их анализе обращает на себя внимание следующее.

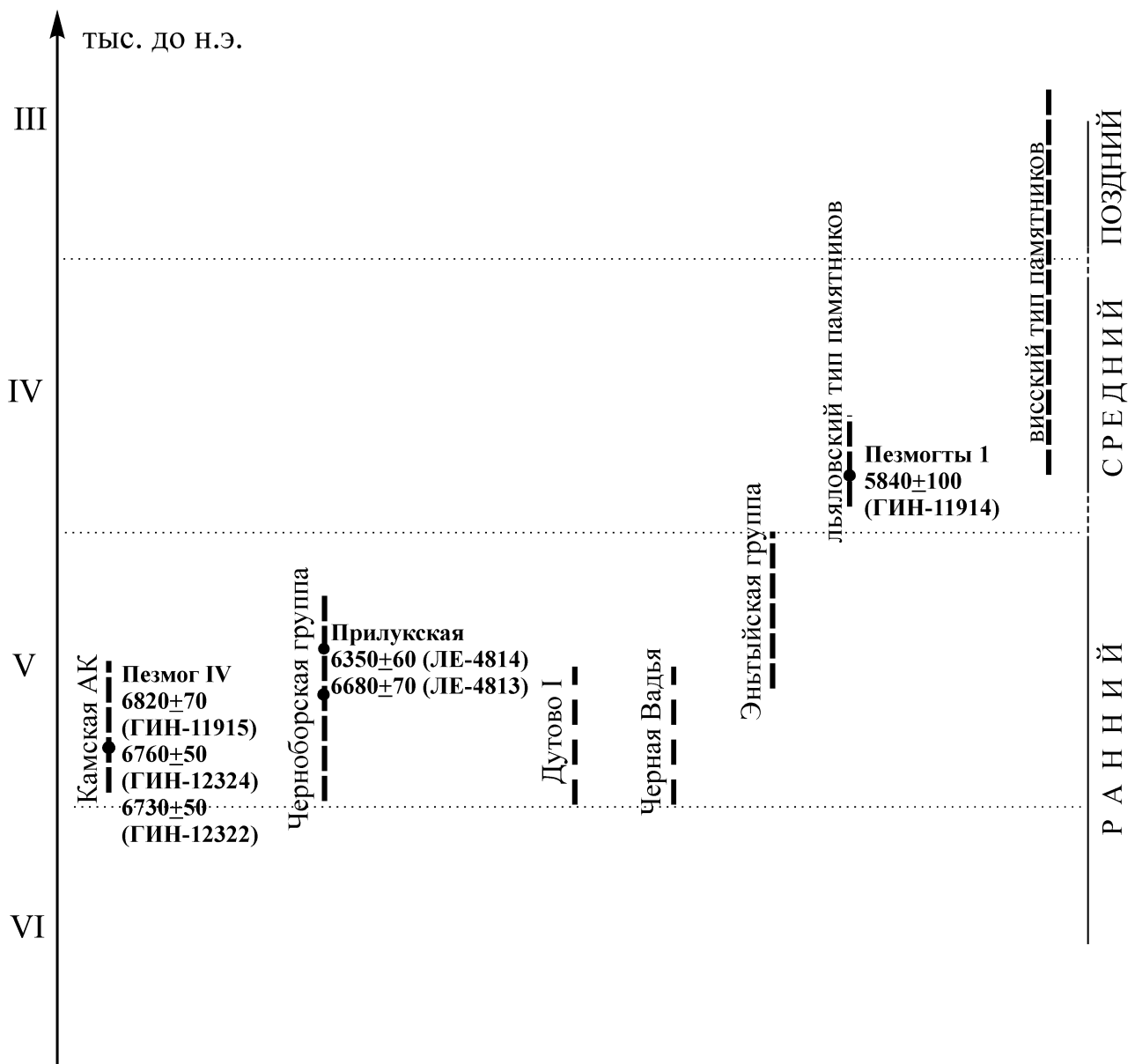

Рис. 4. Хронология и периодизация неолитических памятников европейского Северо-Востока

Все стоянки «разбросаны» на огромной территории. Так, памятники черноторской группы занимают долины Ижмы, Мезени, Вычегды и Северной Двины. Расстояние между двумя крайними пунктами (Прилуцкая и Черноторская III) составляет по прямой 550 км. Аналогии материалам черноторских памятников обнаружены в бассейне р. Сухона (Березова Слободка II–III, VI), расстояние до которой от стоянки Черноторская III — 720 км по прямой. Дистанция между памятниками камской неолитической культуры (Кочмас Б на нижней Вычегде и Хуторская в Прикамье), а конкретнее — хуторско-бороозерского типа составляет также около 500 км, а поселения энтьейского типа — Энты I на средней Вычегде и Векса на р. Вологда — удалены друг от друга на 650 км.

Коллекции стоянок раннего неолита КСВЕ сравнительно малочисленны и включают в среднем около 100 орудий и фрагменты одного-пяти сосудов, а в орудийных наборах, как правило, доминируют наконечники стрел. Исключение составляет стоянка Энты I, где найдено более 1000 орудий, что, однако, может быть связано с неоднократным (по крайней мере, дважды) посещением памятника.

В регионе не выявлены бескерамические комплексы, кремневый инвентарь которых соответствовал бы материалам памятников с керамикой. Исключение составляет стоянка Ревью I, где керамика не обнаружена, а кремневый инвентарь аналогичен таковому на стоянке Энты I.

В технике расщепления камня, типологии орудий и керамики отсутствуют показатели, позволяющие объединить их в рамках одного культурного образования или выявить какую-либо генетическую преемственность между их обитателями. Судьба каждой из групп населения, оставившего эти памятники, в настоящее время не прослеживается.

Аналогии материалам памятников этих групп позволяют включить в ареал их распространения бассейн Камы, Сухоны, средней и верхней Волги. В связи с этим можно говорить, по крайней мере, о двух направлениях заселения региона в раннем неолите. Первое — юго-западное — территория верхневолжской культуры и второе — юг-юго-восточное — ареал камской культуры.

Следующий этап освоения региона связан с появлением здесь в нач. IV тыс. до н. э. носите-

лей гребенчато-ямочных традиций, генезис которых связан с населением льяловской культуры. Сравнительно-типологический анализ материалов КСВЕ и сопредельных территорий позволяет говорить о том, что известные памятники с гребенчато-ямочной керамикой представляют довольно узкий хронологический отрезок, ограниченный перв. пол. IV тыс. до н.э., и соответствующий первым двум этапам существования льяловской культуры [Сидоров 1992; Древние охотники и рыболовы Подмосковья 1997: 116–120].

По сравнению со стоянками раннего неолита памятники среднего периода более многочисленны и расположены на всей территории КСВЕ, включая Большеземельскую тундру. Расстояние между двумя крайними пунктами (Мармугино и Печорская) в пределах региона составляет около 900 км. Однако распространение наиболее выразительных из них ограничено с северо-востока Тиманским кряжем, а основная масса концентрируется у старичных (стоянки средней Вычегды) и водораздельных озер (памятники у оз. Синдор, Ямоозеро, Косминские, Пинежские, Красный Окунь). Выделяются памятники средней Вычегды, характеризующиеся наличием поселений, состоящих из одного-пяти жилищ и расположенные на отрезке около 60 км. Предпочтения в выборе места обитания существенно не изменились. В большинстве случаев памятники среднего неолита приурочены к тем же формам рельефа и занимают те же высотные отметки, что и памятники мезолита и раннего неолита.

Наиболее существенные изменения происходят в способах обработки камня, основные усилия которой теперь направлены на бифасиальное расщепление. Инвентарь стоянок, в том числе и жилищных комплексов, также немногочислен. Отмечается лишь увеличение количества мелкого дебитажа, что естественно для бифасиальных технологий расщепления камня. В этой связи следует отметить четко прослеживаемую на материалах КСВЕ тенденцию к бифасиальному виду расщепления. Выражается она в появлении приемов утончения массивных или извилистых участков вентрального фаса (Дутово I), бифасов с полностью обработанным дорсальным фасом и избирательной обработкой массивных участков вентрального (Черноторская III). В индустрии стоянки Энты I изготовление бифасов выделя-

ется уже в самостоятельный вид расщепления при сохранении пластинчатых сколов-заготовок. На памятниках льяловского типа бифасиальный вид расщепления становится основным, хотя сохраняется техника скалывания пластин, которые, однако, утрачивают такой показатель, как серийность, и скорее относятся к стадии избирательного расщепления. В литературе эта тенденция характеризуется как «деградация техники производства пластин» [Древние охотники и собиратели Подмосковья 1997: 78–79; Костылева 2003: 214–215] или «регресс производства пластинчатых сколов-заготовок» [Гиля, Лозовский, Лозовская 1997: 97]. Для поселений Волго-Окского междуречья называются и конкретные причины — условия недостатка качественного кремня [Древние охотники и собиратели Подмосковья 1997: 78–79]. В ходе исследований памятников среднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой КСВЕ отмечено, что для их коллекций характерно разнообразное сырье, представленное кремневыми гальками, плитками и кусками различной морфологии и качества. Сравнительно высока доля некачественного кремня с большим количеством разнообразных некремневых включений и естественной трещиноватостью. Отсюда высокий процент осколков, кусков с пробными снятиями и неудачных заготовок, по всей видимости, не подвергшихся дальнейшему расщеплению из-за низкого качества сырья. Однако орудия и мелкий дебитаж (чешуйки и мелкие отщепы) производственных площадок свидетельствуют об использовании иного качественного пластичного материала. Эти факты свидетельствуют как о более экономном использовании сырья, так и о «неприхотливости» бифасиальных технологий расщепления камня к морфологии (но не к качеству) отдельностей сырья. В этой связи отмеченное явление не «деградация» техники скола пластин из-за отсутствия качественного сырья, а переход к более экономному, «гибкому», а следовательно, с технической точки зрения прогрессивному способу расщепления камня. И наряду с таким показателем, как распространение навыков изготовления керамики, эти данные могут быть использованы в качестве маркеров неолитической эпохи.

Для памятников льяловского типа отмечено изменение в структуре орудийных наборов в сторону увеличения количества орудий для обра-

ботки продуктов охоты (резцы, скребки и ножи). Причем в большинстве случаев резцы доминируют среди морфологически выраженных орудий. Вместе с тем число сосудов в комплексах существенно не возросло и в среднем составляет пять-шесть. В эту статистику не включены материалы поселений водораздельных озер, где такие подсчеты затруднительны. Данные анализа видового состава фауны, остатки которой представлены в виде фрагментов кальцинированных костей, также не демонстрируют отличий от памятников предшествующего периода. Триада «лось, бобр, северный олень» остается неизменной.

Дальнейшая судьба носителей льяловских традиций в регионе не прослеживается. Источники, которые служили основанием для выделения культур [Буров 1967: 167; Верещагина 1989; Косинская 1997: 187], в создании которых они могли бы принять участие, неполноценны, неоднозначны и требуют верификации.

Анализ данных — численности памятников, объема коллекций, характеристики культуровмещающих отложений, типологического состава инвентаря — позволяет сделать вывод о кратковременной жизнедеятельности населения на известных стоянках КСВЕ. На всем протяжении неолита они носят преимущественно промысловый сезонный характер, базовые долговременные поселения отсутствуют. В среднем периоде хотя и появляются свидетельства сооружения наземных жилищ, но материал по ним также немногочислен. Отметим сравнительно низкую плотность населения КСВЕ и периодичность заселения его территории. Так, период сер. IV — нач. III тыс. до н.э. источниками не документирован вовсе. Таким образом, он отличается от других периферийных участков Восточной Европы, например Кольского п-ова, где прослежена преемственность развития керамического производства от неолита до эпохи раннего металла [Шумкин 2003: 281].

Ни одна из предложенных ранее концепций в настоящее время не соответствует характеру и состоянию современной базы источников по неолиту КСВЕ. А источники свидетельствуют о том, что в регионе исследуются лишь фрагменты культурных образований, базовая территория которых находится за его пределами. Поэтому изучаемый район не был целью крупных и про-

должительных по времени миграций человеческих коллективов и не представлял собой единого культурного поля с разнонаправленными связями. Скорее он должен рассматриваться как территория природопользования населения конкретных археологических культур, основная территория которых лежит за пределами региона. Учитывая культурное разнообразие памятников раннего неолита на КСВЕ, можно предположить, что в лесной зоне Восточной Европы в этот период существовало несколько культурных образований. В целом описанная ситуация схожа с ситуацией в мезолите Восточной Европы [Сорокин 2006: 93–95].

Изучение памятников КСВЕ демонстрирует неоднозначность так называемого процесса «неолитизации» лесной зоны Восточной Европы. Учитывая периодичность заселения и кратковременность обитания здесь населения, этот термин для некоторых территорий рассматриваемого региона не применим. Появление керамики — признака, которому отводится наиболее значительное место в этом процессе, — не повлияло значительно на образ жизни древнего населения, продолжавшего традиции мезолитических охотников и собирателей. Наиболее существенные изменения произошли в технологии

расщепления камня. Происходит переход к бифасиальному виду расщепления. Основываясь на материалах региона, это можно утверждать только для отрезка рубежа VI–V тыс. до н.э. — сер. IV тыс. до н.э. — времени бытования памятников верхневолжской, камской, архаичного и раннего этапов льяловской культуры. Таким образом, процесс «неолитизации» КСВЕ был дискретным, и его изучение не ограничивается рамками раннего неолита. Картографирование памятников конкретных культурных образований и сопоставление радиоуглеродных дат позволяют говорить о том, что регион должен рассматриваться как территория природопользования населения этих образований. На материалах КСВЕ определен еще один возможный источник распространения идеи керамического производства в лесной зоне Восточной Европы. Это памятники камской неолитической культуры гребенчатой керамики, которая, согласно новым данным, синхронна верхневолжской культуре.

Несомненно, что предложенная точка зрения требует проверки новыми источниками, более детальным изучением каменного инвентаря и керамики на более широком географическом фоне, накоплением данных радиоуглеродного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Андреичева Л.Н., Марченко-Вагапова Т.И. Развитие природной среды и климата в антропогене на Северо-Востоке Европы. Сыктывкар, 2003.

Брюсов А.Я. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Бузов Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. — I тысячелетии н.э.). М., 1967.

Бузов Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край): Учеб. пособие для студентов-историков. Ульяновск, 1974.

Бузов Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... д. и. н. Новосибирск, 1986.

Верецагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока: Автореф. дис. ... к. и. н. Л., 1989.

Гиря Е.Ю., Лозовский В.М., Лозовская О.В. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края: Материалы международной конференции «Каменный век евро-

пейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад, 1997.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное I). М., 1997.

Жуйкова И.А. Условия формирования аллювиальных отложений среднего течения р. Вятки // Структура, вещество, история литосферы Тимано-Североуральского сегмента: Информационные материалы X Научн. конф. Сыктывкар, 2001. С. 68–70.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–146.

Косинская Л.Л. Связи в неолите Европейского Северо-Востока и Западной Сибири // Коренные этносы Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: Сб. статей. Сыктывкар, 2000. С. 181–185.

Костылева Е.Л. Основные вопросы неолитизации Центра Русской Равнины (особенности неолитизации лесной зоны) // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы,

исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Ошибкина С.В. К вопросу о раннем неолите на Севере Восточной Европы // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.

Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.

Смирнова Т.И. Основные изменения растительности севера Печорской низменности в четвертичное время (по палинологическим данным): Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1971.

Сорокин А.Н. Мезолит Оки. Проблемы культурных различий. М., 2006. (Труды отдела охранных раскопок. Т. 5).

Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты и проблема неолитизации Восточной Европы // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти Н.Н. Гуриной. Санкт-Петербург, 27 ноября – 2 декабря 2000 г. СПб., 2000. С. 81–82.

Шумкин В.Я. Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.